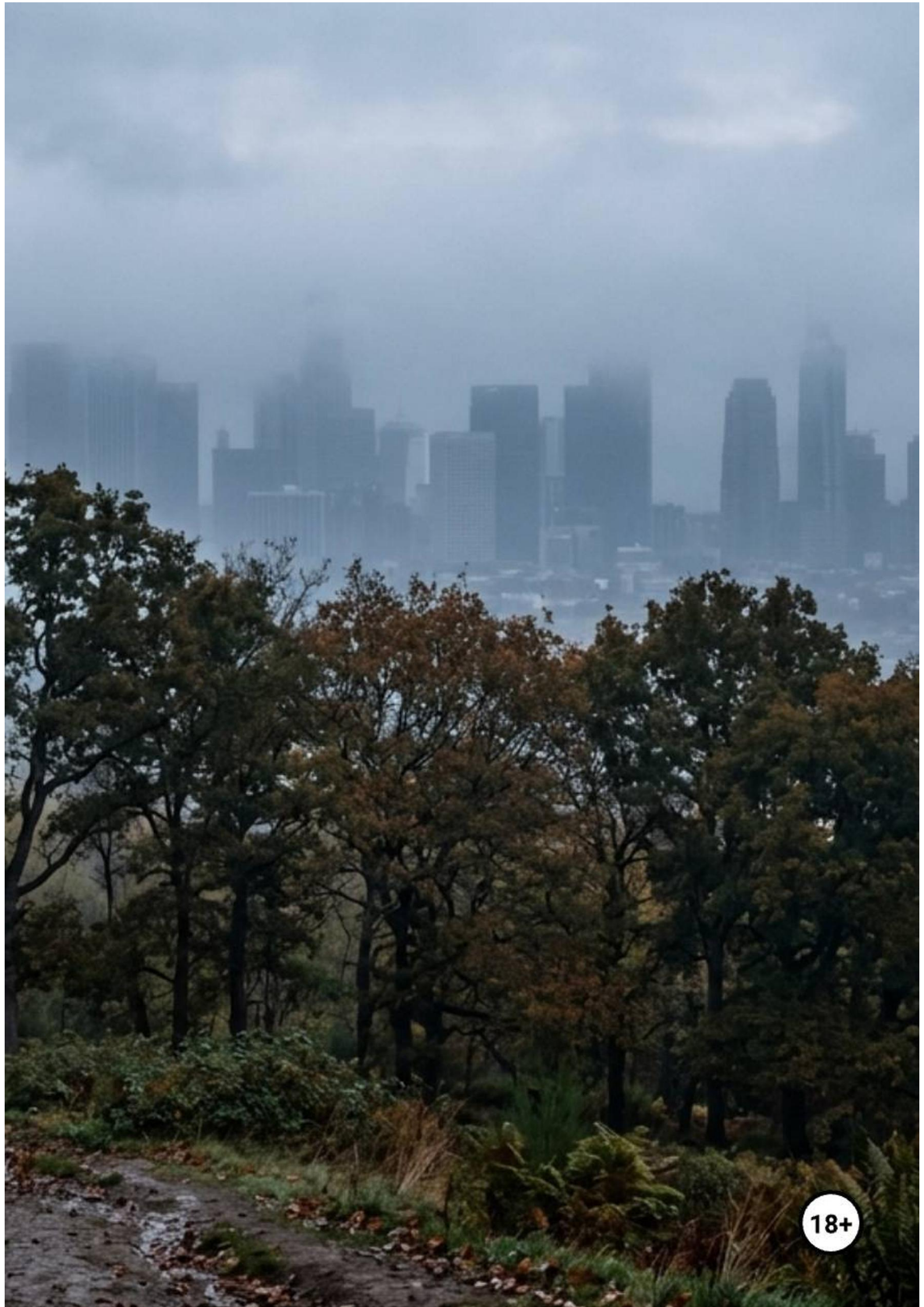




IAMTOFTS

Не гарантирую

«Автор»

2026

IAMTOFTS

Не гарантирую / IAMTOFTS — «Автор», 2026

Иногда наблюдатель застаёт интересный момент из жизни разных людей.
Главное вовремя остановиться и отвести взгляд
Предел наблюдения отделяет
интересную историю с возможностью выбирать от самого выбора.

© IAMTOFTS, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эхо	5
Ещё один пациент	9
Пятьдесят процентов протектора	13
Ошибка выжившего	15
Все эти люди	17
Машина войны	19
Быть человеком	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

IAMTOFTS

Не гарантирую

Эхо

Пролог

На Всероссийском конгрессе практикующих психотерапевтов в Петербурге Анна Александровна была хедлайнером.

Огромный, залитый неоновым светом конференц-зал отеля «Астория» слушал её, затаив дыхание. На сцене Анна выглядела безупречно: строгий графитовый костюм, идеальная осанка, гладко убранные волосы. Тема её доклада звучала весомо: «Аутентичность терапевта как ключевой фактор преодоления экзистенциального кризиса пациента».

— Мы не имеем права предлагать пациенту суррогаты, — говорил её сочный, обволакивающий голос в микрофон. — Наша задача — вернуть человека в реальность, какой бы болезненной она ни была. Только в столкновении с подлинным миром возможно исцеление.

Аплодисменты были оглушительными. На фуршете её окружили. С восторженными молодыми стажёрами она была мягким, вдохновляющим наставником. С чиновниками от медицины — статусной, безупречно вежливой коллегой. С завистливыми конкурентами — ироничным и недостижимым оппонентом. Она пила минеральную воду, улыбалась, кивала, но её глаза оставались абсолютно ровными и холодными, как объектив выключенной камеры.

В полночь она наконец заперла за собой дверь стандартного гостиничного номера. Сняла туфли, села на край матраса и замерла, глядя в аккуратно покрашенную серым стену. Прошёл час. Потом второй. Анна не шевелилась. В чужом городе, где не было даже привычных домашних вещей, её внутренняя пустота ощущалась физически — как тяжёлый, холодный вакуум в груди.

Часть I. Распорядок дня

Будильник звонил в 6:30. Всегда.

После возвращения из командировки ничего не изменилось. Квартира Анны Александровны встречала её строгими линиями, приглушёнными тонами и идеальным порядком. Кровать застилалась одним движением. Кофе — одна чашка. Завтрак — функционально и питательно.

Днём она снова была блестящим психотерапевтом. К ней записывались за месяцы. Она умела находить чужую боль и аккуратно, почти хирургически, превращать её в слова. Пациенты уходили с ощущением, что их наконец-то увидели.

А вечером она возвращалась в тишину, где год назад исчез он. Не умер — просто перестал существовать для неё. Уехал. Ушёл. Она так и не узнала подробностей, но он исчез из её жизни. И именно это «не узнала» не давало ей покоя, оставляя в груди выжженное, сквозное пространство. Эту пустоту ей нечем было заполнить.

Часть II. Голос

Э

Всё началось не дома.

В маленьком кафе недалеко от клиники она сидела за угловым столиком, устало глядя на пенку остывающего капучино, и тихо, почти беззвучно, шевельнула губами:

— Как же я устала...

И вдруг сбоку, от соседнего столика, где спиной к ней сидел мужчина в тёмном пальто, до неё донеслось:

— Знаю. Я тоже.

Анна вздрогнула. Голос был его. Тот же низкий тембр, та же лёгкая хрипотца, та же манера ставить ударение. Она резко повернула голову. Мужчина читал книгу, старательно не глядя на неё. Но профиль... Боже, как похож. Она вскочила и вышла на улицу, так и не допив кофе.

Через четыре дня в метро, в час пик, когда она стояла, вцепившись в холодный поручень, и подумала вслух: «Я больше не могу притворяться», кто-то позади неё тихо сказал:

— Я вижу.

Она обернулась так резко, что задела женщину с сумкой. В толпе мелькнуло знакомое лицо — или ей показалось? Сердце колотилось в самом горле. Она выскочила на следующей станции и долго стояла на платформе, пытаясь отдышаться под равнодушным гулом поездов.

Потом это стало происходить чаще. В музее, где она бродила по стерильным залам современного искусства. В книжном магазине у полки с мемуарами. На зимней прогулке по обледевшей набережной. Каждый раз — несколько слов. Каждый раз — его голос. Каждый раз — она обернулась и видела либо спину, либо профиль, либо ускользающий образ.

Она начала панически бояться и одновременно — жить только ожиданием этих моментов.

Часть III. Принятая

Однажды в заснеженном парке она остановилась у пустой скамейки и прошептала в морозную пустоту:

— Мне страшно. Я пустая. Под всем этим — ничего нет.

И рядом, так близко, что она почти почувствовала тепло чужого дыхания на своей щеке, раздалось:

— Я знаю. И мне в этой пустоте хорошо.

Она резко обернулась. Никого. Только хлопья снега медленно опускались на дорожку, замечая чьи-то свежие следы.

В тот вечер она впервые за год заплакала. Не от страха. От дикого, омывающего душу облегчения. Кто-то наконец-то был рядом.

Часть IV. Две жизни

Теперь её жизнь окончательно разделилась.

Днём она оставалась идеальным, собранным терапевтом. Говорила пациентам правильные, выверенные слова, улыбалась, поддерживала. Профессиональный автопилот работал без сбоев.

А в городе она начала жить второй, тайной жизнью. Она специально ходила в те же кафе, ездила в тех же полупустых вагонах метро, часами возвращалась в музей к одной и той же картине. Разговаривала с ним вполголоса. Смеялась. Спорила. Иногда ловила на себе встревоженные или недоумённые взгляды прохожих, но ей было абсолютно всё равно.

Дома она пока молчала. Боялась, что если принесёт его в свою пустую квартиру, хрупкая иллюзия разрушится.

Часть V. Почти счастье

Она снова начала улыбаться по-настоящему. На летучках в клинике коллеги удивлённо переглядывались: «Аня, ты просто расцвела». Она отвечала что-то уклончивое и опускала глаза, пряча мягкий, блуждающий взгляд, как глубоко влюблённая женщина.

Он говорил с ней обо всём. Слушал. Не уходил. Не исчезал посреди разговора, как это бывало в реальности. Иногда ей казалось, что в толпе у светофора она видит его знакомую спину — и тогда сердце замирало от дикой, болезненной, но сладкой надежды.

Это было почти счастье. Плотное. Тёплое. Абсолютно живое.

Часть VI. Раскрытие

Но однажды вечером она вернулась домой особенно уставшая. За окном хлестал ледяной мартовский дождь.

Она сняла пальто в прихожей и, не включая свет, тихо, изнурённо сказала в темноту:

— Я дома.

И в этот момент, впервые за всё время, в абсолютно запертой, пустой квартире отчётливо и громко прозвучал его голос — низкий, близкий, невыносимо родной:

— Я ждал тебя.

Анна замерла. Здесь не было городской суеты. Не было случайных прохожих у столика, попутчиков в метро или спин в толпе. Не было никого, кто мог бы произнести эти слова.

Только она.

Она медленно прошла в тёмную гостиную, без сил села в кресло и посмотрела на свои руки. Её губы едва заметно, механически шевелились, с точностью повторяя только что услышанную фразу чужим, низким мужским голосом.

Всё мгновенно встало на свои места. Детали, которые её измученный разум раньше отказывался замечать, теперь выстроились в ровный, беспощадный ряд. Голос всегда звучал именно тогда, когда её одиночество достигало пика. Он знал только то, что знала она сама. И ни разу — ни единого разу за все эти месяцы — ей не удалось по-настоящему увидеть его лицо.

Часть VII. Выбор

Она могла бы прямо сейчас набрать номер ведущего психиатра клиники. Могла начать принимать тяжёлые нейролептики. Могла послушно вернуться в серую, холодную реальность, где он где-то жил своей настоящей жизнью, о которой она не знала ничего.

Но вернуться туда означало потерять его снова. На этот раз — навсегда.

А здесь, в её собственном, уютном мире слов и образов, он оставался. Разговаривал с ней. Ждал её с работы. Был предан ей до конца.

Анна Александровна закрыла глаза, откинулась на спинку кресла и прошептала в темноту:

— Остаюсь.

И её собственные губы послушно ответили тем самым голосом, от которого когда-то дрожали колени:

— Я никуда не уйду.

Эпилог

В своём кабинете Анна Александровна принимала последнюю пациентку.

Молодая женщина в кресле напротив неё плакала, размазывая тушь по лицу:

— Мне кажется, меня никто никогда не полюбит по-настоящему... Я как в вакууме, понимаете? Кругом люди, а я одна. Помогите мне, Анна Александровна. Я боюсь сойти ума от этой пустоты.

Анна Александровна мягко наклонилась вперёд. Её глаза светились бездонным, абсолютным спокойствием человека, который понимает всё.

— Иногда то, что мы называем пустотой, — тихо и уверенно произнесла она, — это просто место, где может появиться тот, кто решит остаться. Не бойтесь ждать. Он может быть гораздо ближе, чем вы думаете.

Пациентка затихла, заворожённая этим абсолютным, транслируемым умиротворением. Она верила каждому слову своего великого терапевта.

Вечером Анна привычным жестом открыла дверь своей квартиры. Зашла в прихожую, аккуратно повесила сумку.

— Я дома, — негромко сказала она в темноту.

И в ответ, уже без всякого страха и сомнений, услышала в пустом коридоре:

— Наконец-то. Я ждал тебя весь день.

P.S.

В ординаторской клиники во время обеденного перерыва было шумно. Пахло кофе, шуршали обёртки от шоколада. Анна Александровна только что вышла, вежливо попрощавшись со всеми, и за столом у окна тут же оживились её давние коллеги — доктор Мирский и профессор Вебер.

— Вы видели её показатели за этот квартал? — Мирский придвинул к себе планшет с внутренними отчётами. — Это же феноменально. Сорок процентов прироста по динамике выздоровления. У неё пациенты с тяжелейшими депрессивными эпизодами выходят в ремиссию в два раза быстрее, чем по статистике.

— Да, Анечка в последнее время творит чудеса, — Вебер с улыбкой закивал, помешивая чай. — Я вчера проходил мимо её кабинета, оттуда люди выходят со слезами облегчения на глазах. Из неё прямо струится это подлинное, глубокое терапевтическое тепло. Буквально сегодня видел, как от неё вышла женщина с совершенно спокойным лицом, на котором ещё не успели высохнуть слёзы. А помните, коллега, какая она была год назад? Холодная, закрытая, выгоревшая дотла. А сейчас? Глаза светятся, улыбается, всегда умиротворена.

— Вот что значит — человек обрёл личное счастье, — вздохнул Мирский. — Наверняка встретила кого-то. Сразу видно, когда у терапевта дома всё идеально. Нам всем есть чему у неё поучиться. Браво, Анна, просто браво.

Ещё один пациент

Больница как стабильная система Приёмное отделение городской клинической больницы работало по законам термодинамики: хаос, поступающий снаружи, внутри преобразовывался в строгий линейный порядок. Под ногами хрустел свежeweымытый линолеум, пахло хлоргексидином и подгоревшим в микроволновке завтраком. — Андрей Сергеевич, тут по скорой из тридцать седьмой палаты анализы пришли, — старшая медсестра Марина положила на край стола распечатку. — Калий — 5.2. Пересдать? — Не нужно, — не поднимая глаз, ответил Воронов. — Назначьте перорально калиевый кайексалат. И переведите его на стол 10. Что по дежурству? — Две плановые госпитализации, один тяжёлый с ОКС, уже в реанимации. И... — она замаялась, — в шестую палату оформили дедушку. Документы утеряны, привезли с улицы. Назвали пока «Неизвестный, примерно 70 лет». Доктор Андрей Воронов заполнил тридцать вторую страницу электронной медицинской карты за смену. Его пальцы привычно отстукивали по клавиатуре стандартные формулировки: «Жалобы на давящие боли за грудиной, иррадиирующие в левую лопатку...» Мир Воронова был предсказуем. Протоколы лечения не оставляли места для экспериментов. Если у человека инфаркт миокарда — на ЭКГ будет подъём сегмента ST. Если ввести нитроглицерин — давление упадёт. Причина всегда рождала следствие. Это успокаивало. Появление пациента В шестой палате пахло старой шерстью и дешёвым табаком. На кушетке сидел плотный, седой мужчина в чистой, но поношенной серой куртке. На вид ему действительно было около семидесяти, но взгляд оставался на удивление ясным, почти цепким. — Как мы себя чувствуем? — Воронов сел на стул рядом, раскрывая чистую историю болезни. На обложке значился временный номер: Пациент 408. — В груди жжёт, сынок, — тихо сказал старик. Голос у него был ровный, без старческой хрипоты. — Как будто уют поставили. И дышать тяжело, когда ложусь. — Давно жжёт? — Часа три. Как в трамвай сел, так и прижало. Воронов приложил стетоскоп к широкой груди пациента. Тоны сердца были глухими, ритм — аритмичным, с частыми экстрасистолами. — Сейчас сделаем ЭКГ и возьмём кровь на тропонины, — доктор быстро набросал в блокноте назначения. — Похоже на острый коронарный синдром. Не волнуйтесь, вовремя приехали. Развернём терапию, сузим зону ишемии. Старик кивнул, не выражая ни страха, ни благодарности. Он смотрел на Воронова так, словно заранее знал весь алгоритм. Через двадцать минут врач ЭКГ выдал ленту исследования. Воронов взглянул на неё: классическая, хрестоматийная картина острого трансмурального инфаркта передней стенки левого желудочка. Пациенту установили катетер и подключили инфузомат. Стандартная процедура. Ошибка медсестры В 02:40 ночи Воронова разбудил резкий стук в дверь ординаторской. На пороге стояла Марина. Её лицо было бледным, губы дрожали, а в руке она сжимала пустую ампулу. — Андрей Сергеевич... Я... я перепутала, — прошептала она, с трудом сглатывая слюну. — Что перепутала? Кому? — Воронов мгновенно вскочил, сон слетел в секунду. — В шестую палату. Пациенту 408. Вместо гепарина... я ввела ему концентрированный раствор калия хлорида. Всю ампулу. Струйно. Воронов замер. Мозг, воспитанный на жёстких медицинских фактах, мгновенно просчитал последствия. Введение высокой концентрации калия струйно в вену — это гарантированная, мгновенная остановка сердца в диастоле. Процесс необратим, если не начать реанимацию в ту же секунду, но даже тогда шансы близки к нулю. Пациент с инфарктом должен был умереть ещё до того, как Марина вытащила иглу из катетера. — Дефибриллятор! Наркозный аппарат! Живее в шестую! — крикнул Воронов, выбегая в коридор. В голове стучала одна мысль: «Это труп. Суд, следствие, лишение лицензии. Марина убила человека». Подбегая к палате, он уже приготовился увидеть синюшное лицо, широко раскрытые зрачки и прямую линию на мониторе. Несрабатывающая смерть Воронов с силой толкнул дверь шестой палаты. Марина с грохотом вкатила следом реанимационную тележку. Пациент 408 лежал на подушке. Глаза его были открыты. Он спокойно смотрел в пото-

лок, мерно дыша.— На монитор его! Быстро! — скомандовал Воронов, хватая запястье старика. Пульс был. Ровный, полный, около 72 ударов в минуту. Никакой фибрилляции. Никакой асистолии. Марина дрожащими руками наклеила электроды. Монитор пискнул и выдал идеальный, ровный синусовый ритм. Тот самый инфарктный подъём сегмента ST, который Воронов видел три часа назад, исчез. Линия была чистой, как у здорового тридцатилетнего спортсмена.— Что... что вы так шумите, доктора? — тихо спросил старик, слегка повернув голову. — Мне полегчало. Жжение прошло. Совсем.— Вам... ничего не давит? Голова не кружится? — Воронов не узнавал собственный голос.— Нет. Хорошо мне. Спасибо вам. Воронов медленно повернулся к Марине. Она стояла, прижав к груди пустую ампулу калия хлорида 10%. На флаконе чётко виднелась заводская маркировка. Ошибки быть не могло. В русле крови этого человека сейчас находилась смертельная доза, способная убить троих. Но приборы молчали. Пациент улыбался. Попытка рационализации. Всю оставшуюся ночь Воронов не спал. Протоколы, правила и медицинская логика требовали объяснений. Он заперся в ординаторской, обложившись распечатками. В сигаретном дыму и свете тусклого монитора он пытался собрать рассыпающийся мир.— Это лабораторная ошибка, — вслух произнёс он, глядя на новые экспресс-анализы Пациента 408. — Калий в сыворотке крови — 4.1 ммоль/л. Идеальная норма. Но калий не мог испариться из кровеносного русла. Воронов лично проверил ампулу, из которой Марина набрала раствор. Он даже сохранил шприц с остатками жидкости и запер его в своем шкафу. Он вошёл в единую медицинскую систему, чтобы перепроверить первичную ЭКГ, снятую при поступлении. Экран моргнул. Воронов нахмурился. Файл с лентой ЭКГ открылся, но вместо ломаных инфарктных линий на цифровом скане была видна лишь ровная, едва колеблющаяся изолиния — как будто кабель аппарата в тот момент просто не был подключен к человеку.— Что за чертовщина... — Воронов потёр воспалённые от напряжения глаза. Он точно помнил глубокий зубец Q и подъём сегмента ST. Он держал эту ленту в руках. Но бумажная лента, которую он оставил в физической карте на посту, тоже отсутствовала. На её месте лежал чистый бланк. Исчезновение пациента. В восемь часов утра, едва дождавшись пересменки, Воронов быстрым шагом направился к шестой палате. Ему нужно было лично забрать кровь старика и отвезти её в независимую лабораторию. Он толкнул дверь. На койке у окна, где ночью лежал Пациент 408, было безупречно гладко застелено серое больничное одеяло. Матрас был пуст. На тумбочке не осталось ни стакана, ни следов пребывания человека. Воронов резко обернулся к дневной медсестре Юле, которая как раз отмечала назначения на посту.— Юля, где старик из шестой? Пациент 408, которого ночью привезли без документов? Юля подняла на него удивлённый взгляд, перелистывая журнал движения больных.— Андрей Сергеевич, в шестой палате со вчерашнего дня никого нет. Она на санитарной обработке после выписки Кравцова. Вот, смотрите. Она развернула журнал. Строка под номером 408 была пуста. Точнее, её вообще не было — за номером 407 сразу шёл 409. Воронов почувствовал, как к горлу подступает холодный ком.— Марина! — крикнул он на весь коридор.— Позовите Марину из ночной смены! — Так Марина в отпуске со вчерашнего дня, — Юля посмотрела на врача с возрастающим удивлением. — Она же ещё на пятиминутке со всеми попрощалась. Улетела утром. Воронов бросился к своему шкафу в ординаторской. Он рванул дверцу, ища глазами запряженный шприц с остатками калия. На полке стояли только его книги и начатая пачка анальгина. Эхо события.— Андрей Сергеевич, код синий! Реанимация в третью палату! — раздался пронзительный крик из коридора. Воронов, не веря в то, что слышит, но повинаясь многолетнему рефлексу, побежал на звук. В третьей палате пациент готовился к выписке! Он сам оформлял ему документы, что там могло случиться? В третьей палате вокруг койки уже работала бригада реаниматоров. На кровати метался мужчина сорока пяти лет. Его лицо было бледным, покрытым крупным липким потом. На прикроватном мониторе бешено скакал пульс, срываясь в смертоносную фибрилляцию.— Что тут? — выдохнул Воронов.— Острый коронарный, трансмуральный инфаркт передней стенки! — крикнул реаниматолог,

заряжая утюги дефибриллятора. — Давление падает, сорок на ноль! Разряд! Воронов бросил взгляд на экран и замер. Морфология комплекса, каждая зубина на кардиограмме умирающего сорокалетнего мужчины один в один повторяли ту самую ЭКГ, которую ночью он видел у семидесятилетнего старика. — Разряд! — повторил реаниматолог. Монитор ответил длинным, непрерывным писком. Прямая линия. Вызов в министерство В пятницу утром на рабочий стол Воронова легло официальное распоряжение. Никаких звонков, только сухой печатный текст на бланке Министерства здравоохранения: «В связи с проведением плановой аттестации и верификации качества оказания медицинской помощи, врачу-кардиологу Воронову А. С. надлежит явиться в Департамент контроля к 14:00». — Андрей Сергеевич, это из-за того случая в третьей палате? — тихо спросила Юлия, передавая ему чашку остывшего чая. — Ну, когда мужчина от инфаркта умер? — Не знаю, — соврал Воронов. Министерство встретило его звенящей, стерильной тишиной. Длинные коридоры, выкрашенные в глубокий серый цвет, глушили звуки шагов. Здесь не пахло больницей. Здесь пахло архивной бумагой и работающими серверами. Его провели в кабинет 408. Воронов внутренне содрогнулся, увидев цифры на табличке. На двери не было имени, только лаконичное: «Сектор верификации причинно-следственных связей». Экзаменатор За массивным столом из тёмного дерева сидел человек в безупречном строгом костюме-тройке графитового цвета. Он читал какую-то папку, не поднимая головы. Когда Воронов сел на стул напротив, чиновник закрыл документы и посмотрел на него. У Воронова перехватило дыхание. Перед ним сидел Пациент 408. Те же плотные черты лица, те же седые волосы, зачёсанные назад, тот же ясный, цепкий взгляд. Но на нём не было поношенной серой куртки. И в его голосе, когда он заговорил, не осталось ни капли той старческой мягкости. Это был голос человека, который управляет бюджетами и закрывает институты. — Здравствуйте, Андрей Сергеевич, — произнёс экзаменатор, аккуратно складывая руки на столе. — Меня зовут Маркин Альберт Викторович. Рад с вами познакомиться лично. Давайте поговорим о вашей квалификации. В последнее время в ваших отчётах наблюдается... путаница. — Путаница? — Воронов сжал кулаки под столом, пытаясь удержать ускользающее самообладание. — Какого рода? — Вы фиксируете феномены, которых нет в протоколах, — Маркин слегка наклонил голову, и в этом движении Воронов узнал то, как старик ночью прислушивался к жужению в груди. — Нам поступил сигнал, что вы искали ампулы, которые были утилизированы три года назад. И утверждали, что в шестой палате находился пациент, в то время как она была пуста. Вы переутомились? Воронов смотрел в лицо системы. Он понимал: если он сейчас скажет: «Вы — тот самый старик», реальность скорректирует его прямо в этом кабинете. — Я... возможно, это была усталость после тяжёлой смены, — выдавил из себя Воронов. — Большая нагрузка. — Отлично, — Маркин холодно улыбнулся. — Давайте проверим ваши знания. Клинический случай: струйное введение калия хлорида в дозировке 100 миллиграмм на килограмм веса. Каковы последствия для миокарда? — Остановка сердца. Асистолия, — механически ответил Воронов. — Исключения возможны? — Нет. Это закон физиологии. — Рад слышать, что вы это помните и понимаете, коллега. Расслоение реальности В этот момент карман пиджака Воронова завибрировал. Он автоматически достал телефон. На экране высветилось уведомление от системы видеонаблюдения его отделения — он сам настроил оповещения на движение у его кабинета. Его мир разделился на две равные части. На левой половине Воронов видел кабинет министерства, в котором сидел прямо сейчас: тишина, графитовый костюм Маркина, часы на стене, показывающие ровно 14:15. На правой половине экрана, в режиме реального времени, камера его больничного коридора показывала... того же самого Маркина. Только в поношенной серой куртке. Старик шёл по коридору больницы, неторопливо направляясь к ординаторской Воронова. Время на больничной камере тоже показывало 14:15. — Вы меня внимательно слушаете, Андрей Сергеевич? — тихо спросил Маркин из-за стола, пока Маркин на экране телефона подходил к двери его кабинета и опускал в почтовую щель плотный конверт. У Воронова закружилась голова. Пространство словно потеряло жёсткость. Одно и то же

лицо. Один и тот же момент времени. Два абсолютно разных действия, зафиксированных одновременно.— Да, — хрипло ответил Воронов, убирая телефон. — Я внимательно слушаю.— Наш разговор окончен. Вы сказали всё, что я хотел услышать. Вы свободны.ПосылкаВернувшись в больницу, Воронов застал отделение в абсолютном покое. Пахло всё той же хлоркой. Юля пила чай.Он подошел к двери своей ординаторской. На полу лежал плотный конверт из крафтовой бумаги. Тот самый, который он видел на экране телефона совсем недавно.Воронов зашёл внутрь, запер дверь на замок и сорвал сургучную печать. Внутри была официальная выписка из протокола заседания Министерства здравоохранения.РЕЗУЛЬТАТ ПРОВЕРКИ:Квалификация врача-кардиолога Воронова А. С. соответствует занимаемой должности. Нарушений в ведении медицинской документации и протоколов лечения не выявлено. Печать. Дата. Подпись.К выписке была приколота небольшая серая записка, написанная от руки тем же каллиграфическим почерком, которым заполняются министерские циркуляры:«Продолжайте спасать жизни».ФИНАЛПоследняя сменаВоронов долго смотрел на серую записку. «Продолжайте спасать жизни». Бумага была плотной, слегка шероховатой на ощупь. Обычная бумага. Обычные чернила.Он поднёс зажигалку к углу листа. Пламя нехотя занялось, поползло вверх, превращая каллиграфические буквы в хрупкий чёрный пепел. Воронов сбросил его в раковину и смыл струёй холодной воды.Из коридора донёсся привычный, мерный стук колёс каталки и громкий, уверенный голос дежурного фельдшера:— Кардиология! Принимайте ОКС, мужчина, 65 лет, доставлен с вокзала!Воронов закрыл глаза, сделал глубокий вдох, пахнувший хлоргексидином, и поправил фонендоскоп на шее.Он повернул дверную ручку и вышел в коридор, чтобы снова лечить людей по утверждённому протоколу.

Пятьдесят процентов протектора

Ветер дул со стороны промзоны, принося запах гари и мокрого бетона. На пустыре за строительным рынком стоял чёрный «БМВ» Х5. Десятилетний кузов был вымыт до глянцевого блеска, но в сумерках этот блеск казался мёртвым, как антрацит. Олег стоял у открытого капота, держался рукой за радиаторную решётку и говорил уже минут двадцать. У него были обветренные губы и тонкая куртка не по сезону — как у всех, кто выходит из квартиры сразу в машину. — Масло от замены до замены, оригинальное, из Германии возили через знакомых. Каждые семь тысяч менял, понимаешь? Не каждые десять, а каждые семь. Для этого мотора это критично. Если зажигать, он начинает греться, но я больше ста сорока вообще не ездил. Семейный автомобиль. Мы на нём в Карелию три раза ездили... Павел не слушал. Он стоял чуть поодаль, засунув руки в карманы тяжёлого пальто. Он смотрел на правую фару. Внутри пластика скопилось несколько капель конденсата. Маленькие, ровные полусферы. Если включить ближний, они высохнут через пять минут. У Павла в кармане лежал паспорт и пачка наличных, стянутая толстой канцелярской резинкой. Ровно та сумма, которую банк выдал ему три часа назад. — ...кожа в салоне «наппа», — продолжал Олег, его голос немного сипел от холодного воздуха. — Я кондиционером её каждые три месяца мазал. На заднем сиденье даже не сидел никто почти. Жена спереди всегда. Она у меня... знаешь, пунктик у неё на чистоте. Никаких крошек, ничего. В машине вообще не курили. Запах до сих пор заводской, кожаный. Олег потянулся к карману, достал чистую тряпку из микрофибры и аккуратно вытер невидимую пыль с пластиковой крышки двигателя. Пальцы у него едва заметно дрожали. Павел перевёл взгляд на лобовое стекло. На зеркале заднего вида болтался синий шёлковый шнурок. Без подвески. Просто шнурок. У жены был точно такой же на ключах от квартиры, которую они вчера продали. Квартира ушла за бесценок, первому попавшемуся, без торга, потому что Павел не мог находиться там дольше десяти минут. Когда из комнат вынесли мебель, на обоях остались тёмные прямоугольники — там, где три года висели их семейные фотографии из Черногории. Жена забрала только свои вещи и их кота. Мужчину, к которому она ушла, звали как-то просто. Павел не запомнил. Ему было всё равно. — Цена ниже рынка, я знаю, — Олег наконец закрыл капот. Раздался глухой, плотный хлопок. — Мне просто... мне до среды надо. У меня фирма была, грузоперевозки. Две фуры. В октябре обе под списание, аварии. Суды, неустойки, товар был не застрахован, везли дорогую электронику. Ладно, хрен с ней, с фирмой. Жена узнала, когда приставы арестовали счета. Прямо на кухне упала. Скорая сорок минут ехала. Инсульт, правая сторона полностью. Сейчас в платной палате, там сутки стоят как средняя зарплата. Реабилитолог говорит, если первые два месяца упустить, она уже не встанет. А ей тридцать семь лет всего. Понимаешь? Олег посмотрел на Павла снизу вверх. Глаза у него были красные, воспалённые от недосыпа. Он ждал какого-то слова. Нужен был хоть какой-то кивок, знак того, что его беда имеет вес. Что этот чёрный кусок железа продаётся ради чего-то важного. Павел подошел к водительской двери, потянул за ручку. Дверь открылась с мягким, дорогим щелчком. В нос действительно ударил запах хорошей кожи. Внутри было сухо и тепло. На коврик лежали чистые газеты, чтобы собрать воду с ботинок. Эту модель Павел знал наизусть. У него была такая же. В той прошлой, полной жизни. Он её продал, чтобы добавить и купить с женой квартиру. Трёхлитровый дизель, триста лошадиных сил. Хватит, чтобы доехать до границы. Или до Мурманска. Или просто ехать по трассе на север, пока не кончится топливо, а потом бросить её на обочине и пойти в лес. — Заводи, послушай, — Олег суеился рядом, протягивая ключ. — Ровно работает. Как часы. Павел взял ключ. Пластик был тёплым от пальцев Олега. Он сел за руль, вставил ключ в паз и нажал кнопку старта. Мотор отозвался низким, уверенным урчанием. Приборная панель вспыхнула ровным красноватым светом. Павел заглушил двигатель. На приборной панели погасли стрелки. В салоне снова стало тихо. Павел достал из кар-

мана пальто пачку денег. Наличные были в банковской ленте. Он положил их на торпедо.— Здесь вся сумма, — сказал Павел. Голос у него был ровным, сухим, словно он покупал пачку сигарет в ларьке. — Считайте. Олег посмотрел на пачку. Его лицо на секунду судорожно дернулось, словно он собирался заплакать, но он сдержался. Он взял деньги, засунул их во внутренний карман куртки и прижал локтем, как будто боялся, что их отнимет ветер.— ПТС и СТС на торпедо оставьте, — сказал Павел. Он не смотрел на Олега. Он смотрел на руль, обтянутый плотной кожей. На руле не было ни одной царапины. Олег посмотрел перед собой, ещё раз рефлексивно потрогал деньги через ткань куртки, потом медленно достал с заднего сиденья синюю пластиковую папку, положил её на кожаную панель над бардачком.— Да, конечно. Все здесь. Подпись в договоре я заранее поставил, там, где галочки. Ксерокопия паспорта моего внутри.— Хорошо. Олег постоял еще несколько секунд. Он ждал чего-то — может быть, фразы «Пусть жена поправляется» или хотя бы «Удачи». Но Павел сидел неподвижно, положив руки на руль и глядя прямо перед собой через лобовое стекло на серые бетонные блоки.— Ну... удачи на дорогах, — тихо сказал Олег. — Машина хорошая. Не подведёт. Павел не ответил. Дверь захлопнулась. Олег повернулся и быстро пошел в сторону автобусной остановки, прижимая локоть к груди. Павел подождал пять минут. Затем он протянул руку, сорвал с зеркала заднего вида синий шелковый шнурок и, не глядя, выбросил его в приоткрытое окно.

Ошибка выжившего

Ветер дул с востока, неся с собой запах придорожной пыли и раскаленного гудрона. Лэндерс вел машину уже часа четыре, спина затекла. Радио ловило только помехи, так что он его выключил.

Он заметил их за поворотом у старого элеватора. «Шевроле» съехал в кювет и уткнулся носом в бетонную опору. Из-под капота лениво шел густой сизый дым. Лэндерс нажал на тормоза, сдал назад и вышел.

Внутри было двое. На водительском сиденье полулежал мужчина с разбитым лицом, справа сидела женщина — ее губы шевелились, но звуков не было. Лэндерс рванул водительскую дверь. Мужчина весил под сто килограммов. Лэндерс обхватил его под мышки и поволок по гравию. Когда они были метрах в пятнадцати, бак «Шевроле» лопнул. Просто глухой хлопок, и салон мгновенно заполнился ровным, яростным пламенем. Женщина внутри даже не закричала.

В больнице городка Сент-Джуд Лэндерс провел около трех часов. Медсестра протянула ему стаканчик с кофе:

— Вы спасли ему жизнь. Женщину не вернули бы в любом случае, у нее была сломана шея. Так что не думайте об этом. Вы герой, сэр.

Лэндерс допил кофе, выбросил стаканчик и поехал домой. Дома он вымылся, выпил бутылку светлого пива и лег спать. Ему ничего не снилось.

Прошел год. Был вечер вторника. На плите у Лэндерса булькал суп. В дверь постучали — три коротких, аккуратных удара.

На пороге стоял мужчина в сером плаще. За год он сильно сдал: лицо осунулось, правая щека подергивалась.

— Привет, — сказал он. — Меня зовут Миллер. Помните меня?

— Помню, — ответил Лэндерс. — Зайдете?

Они прошли на кухню. Лэндерс достал из шкафа бутылку виски, налил два стакана, один придвинул гостю. Миллер к стакану не прикоснулся, но обхватил его пальцами.

— У вас есть несколько минут? — спросил Миллер. — Мне нужно рассказать вам кое-что. Чтобы вы поняли. В тот день в машине была не моя жена. Ее звали Элен, мы работали вместе. Я якобы уехал в командировку, а мы ехали с ней в отель. Когда полиция начала копать, всё вылезло. Жена узнала обо всем в больнице. Я вернулся в пустую квартиру. Дочери больше не берут трубку.

Миллер смотрел в клеенку. Правая щека дергалась.

— Но это не всё. Муж Элен был моим начальником. Он заставил меня уволиться в первый же день после больницы. А недавно закончилось следствие по факту аварии. Экспертиза установила, что машина была технически неисправна. Моя машина. Значит, я виновник. Значит, я убил человека. Скоро суд, и меня посадят.

Миллер медленно полез под плащ и достал тяжелый, грубо обрезанный ствол ружья. Он положил его на кухонный стол, направив дуло в грудь Лэндерсу.

— Вы вытащили меня, — тихо сказал Миллер. — Вы думали, что вы герой. Но если бы вы проехали мимо, всё закончилось бы быстро и достойно. А теперь у меня нет ничего. По сути, вы убили меня, просто растянули смерть на год мучений. Теперь мне плевать, сколько сидеть. Я пришел убить вас.

На плите продолжал булькать суп. Лэндерс стоял у раковины, спокойно глядя на обрез. Его лицо не изменилось.

— Вы думаете, в том, что с вами случилось, виноват именно я?

Миллер нервно облизал губы.

— Нет. Вы спасли меня. Но вы же меня и убили, я просто поступлю по справедливости. Но я хотел, чтобы вы знали, за что я так поступлю с вами.

Лэндерс задумчиво и с интересом смотрел на обрез в руках спасенного. Он видел сейчас всю сцену с горящим «Шевроле», как будто это случилось несколько часов назад. Хлопок, пламя и беззвучный крик женщины, запертой в машине.

— Помнишь Эльзу? — спросил Лэндерс.

Миллер нахмурился, сбитый с толку. Его пальцы сильнее сжали приклад.

— Кого? Какую Эльзу? При чем тут...

— Я тебе напомним, — Лэндерс сделал полшага вперед, опершись ладонями о край стола. — Девушка из Спрингфилда. Вы встречались в колледже. Потом ты ее бросил — буднично, по телефону, потому что нашел вариант получше. А она пошла в гараж и завела мотор. Эльза была моей любовью со школьных лет. Единственной. И я обещал себе, что ты заплатишь.

Миллер замер, его рот слегка приоткрылся.

— Да, Миллер, это я повредил тормозные шланги на твоём «Шевроле», — продолжал Лэндерс ровным, почти лекционным голосом. — И это я плеснул бензин на заднее сиденье, пока ты лежал в траве, чтобы Элен точно не выбралась. Это я анонимно отправил твоей жене копии счетов из отеля, где вы бывали с любовницей. И это я сбросил документы мужу Элен.

Лэндерс наклонился ближе к дулу обреза.

— И угадай, кто работал ведущим экспертом-криминалистом по твоему делу? Заключение о неисправности машины, которое легло на стол прокурору, подписано мной.

Миллер тяжело дышал, ствол ружья в его руке начал мелко дрожать.

— Ты... ты маньяк. Ты врешь!

— А как ты вообще нашел мой адрес? Не думал, почему столько месяцев поиска и вдруг сегодня такая удача? Я сам подбросил его тебе. Встреча с бывшим коллегой, что может быть естественнее. Ты должен был прийти, Миллер. Ты должен был прийти сегодня. Но вот обрез я предусмотреть не мог, поэтому приготовил кое-что другое. Ты сидишь в моей квартире. Твои отпечатки везде — на входной двери, на стуле, и особенно четкие — на том стакане, который ты сейчас держишь. Прямо перед твоим приходом я принял дозу яда. По моим расчетам, мое сердце остановится в течение сорока минут. Соседи снизу уже вызвали полицию — я специально включил воду в ванной так, чтобы она начала их подтапливать. Наряд будет здесь с минуты на минуту. Кстати, дверь заперта изнутри, думаю, им придется ее ломать.

Лэндерс улыбнулся — впервые за весь вечер. Это была сухая, мертвая улыбка.

— Ты говоришь, что тебе все равно, сколько сидеть? В тюрьме для убийц полицейских ты быстро поймешь, как ошибался.

За окном, где-то очень далеко, раздался первый, едва слышный вой сирены.

Силы стали покидать Лэндерса, пот выступил на лице, ему пришлось буквально упасть на стул, но, проваливаясь в небытие, он услышал тихие слова:

— Мне действительно очень жаль, старина.

А потом он услышал выстрел.

Все эти люди

Понедельник. 12:27, срочный выпуск новостей

«При подлете к аэропорту Шереметьево совершил аварийную посадку Боинг 737 авиакомпании ИстРейн. Лайнер удалось увести от жилых домов и посадить на заброшенное поле. Количество жертв и причины катастрофы устанавливаются».

Среда. 9:47, зал прощения при Николо-Архангельском кладбище.

В просторном ритуальном зале пахло лилиями, воском и сырой осенней прохладой. Люди стояли разрозненными группами. Голоса пришедших звучали приглушённо, не смешиваясь между собой. Каждый говорил о своём.

У высоких стрельчатых окон, грея руки о стаканчик с чаем, тихо рассказывал мужчина в тяжёлом пальто:

— Я до сих пор помню его ладонь. Огромная, как лопата, вся в мозолях. Он когда мне руку на плечо клал — меня прямо к земле прижимало. Настоящий богатырь. Помню, как он легко, шутя, перетаскивал чугунные радиаторы во время ремонта. И голос — густой такой бас, от которого стёкла дрожали. Таким только полками командовать.

Чуть дальше, на длинной деревянной скамье в глубине зала, плакала женщина в чёрном платке, прижимая к себе молодую девушку:

— Совсем худенький ведь был... Маленький, щуплый, вечно в этом своем нелепом безразмерном свитере, в котором он буквально тонул. Я когда его под руку брала, всегда боялась сломать — косточки тонкие, как у птицы. И голос тихий, шелестящий, вечно извиняющийся. Всё сидел в углу со своими книжками, боялся лишний раз чаем звякнуть, чтобы никого не побеспокоить.

У колонны, нервно крутя в руках перчатки, негромко говорил мужчина средних лет своему спутнику:

— Вредный был человек, плешистый, зубы вечно скалил. Помню, как он наорал на бригаду рабочих, которые шумели под окнами. Вышел на балкон в одном исподнем, лысина на солнце блестит, глаза бешеные, злые, из-под бровей. Хлопал дверями так, что штукатурка сыпалась. Деспотичный, тяжёлый человек.

В противоположном углу, у подставки с поминальными свечами, плакала молодая пара:

— Совсем ведь молодой... — шептала девушка. — я прямо помню его золотые кудри до плеч, глаза синие-синие, как небо в мае. И улыбка — он когда улыбался, казалось, что в комнате свет включали. Он ведь последнюю рубашку готов был отдать. Помнишь, как он зимой приютил того бездомного пса? Чистая, светлая душа, у него на лице это было написано. И эти веснушки на носу...

У самого входа двое мужчин в строгих костюмах негромко подводили свои итоги:

— Тяжёлый был человек. Лицо в шрамах, взгляд исподлобья, землистый цвет кожи. Он если смотрел на тебя, то будто приговор зачитывал. Хладнокровный, расчётливый гад. Я видел, как он обращался с людьми — без эмоций, просто перешагивал через любого. Про таких говорят: вместо сердца — кусок льда.

Чуть поодаль, пряча заплаканные глаза за тёмными очками, шептались две женщины.

— Он ведь предал меня, — тихо, без злости говорила одна, глядя в пустоту. — Бросил в самый тяжёлый момент, в положении, ушёл, не оставив даже записки. Просто вычеркнул из жизни, как будто ни нас ни меня никогда и не было. А через месяц я узнала, что он перевёл все свои сбережения какому-то детскому хоспису на другом конце страны. Анонимно. Вот как это понимать?

Вторая женщина едва заметно сжала её локоть:

— Для нас с детьми он был центром вселенной. Самый верный, самый любящий муж и отец. Каждую субботу пёк блины, учил сына запускать змея. Ни одного грубого слова за двенадцать лет. Я думала, мы проживём вместе до глубокой старости...

В углу зала молодая привлекательная девушка в дорогом шарфе тихо всхлипнула, комкая в руках записку:

— Он обещал мне, что мы улетим вместе в это воскресенье. Он говорил, что любит меня больше жизни и больше не может врать своей семье. Мы уже купили билеты...

Музыка стихла. Распорядитель мягко кашлянул, привлекая внимание присутствующих. Он поднялся на небольшую трибуну и поправил микрофон.

— Уважаемые дамы и господа. Сегодня мы собрались здесь, чтобы почтить память человека, совершившего невозможное. Как вы уже знаете из новостей, позавчера произошла страшная авиакатастрофа. Но благодаря невероятному мужеству, хладнокровию и мастерству одного человека, все двести сорок пассажиров рейса остались живы. К сожалению, сам он спастись не смог. Прошу вас пройти к гробу для последнего прощания с командиром экипажа.

Люди зашевелились.

Все эти разрозненные группы — мужчина в тяжёлом пальто, плачущая женщина со скамьи, строгий господин от колонны, молодая пара, двое в костюмах, вдова с детьми и заплаканная девушка в дорогом шарфе — медленно двинулись с мест.

Они не расходились. Они выстроились в одну ровную, молчаливую очередь к единственному закрытому гробу, на котором лежала фуражка пилота гражданской авиации. А на стене над ним висело старое зеркало, занавешенное плотным чёрным бархатом.

Машина войны

Часть 1. Осколки красоты
Своды старого католического собора устояли чудом. Снаружи, за проломами в толстых каменных стенах, выла метель, неся пополам со снегом серую жирную копоть. Город догорал третьи сутки. Кайл осторожно опустил на каменный пол тяжёлый пулемётный короб. Каждое движение в этой гулкой, мёртвой тишине отзывалось эхом. Он поднял голову вверх. Прямо над ним, на полуразрушенном потолочном плафоне, уцелел фрагмент старинной фрески: протянутые друг к другу руки, лики с тонкими, выцветшими чертами и мягкий, золотистый свет, пробивающийся сквозь вековую копоть. — Посмотри на это, Трент, — тихо сказал Кайл, не снимая тактического шлема. — Как выписаны складки одежды. Сколько здесь тепла. Трент, сидевший у подножия расколотого алтаря, привалился спиной к мраморной колонне. На его коленях лежала винтовка. Он тоже смотрел вверх, на уцелевших крылатых вестников. — Я изучил историю этого места, пока мы шли по координатам, — отозвался Трент. Его голос звучал приглушённо. — Этому зданию было больше четырёхсот лет. Его создавали целыми поколениями. Закладывали каждый камень, молились здесь, берегли этот свет. А теперь здесь крошево. Кем нужно быть, чтобы так хладнокровно, метр за метром, уничтожать память? — У них нет милосердия, — Кайл перевёл взгляд на узкое готическое окно, за которым чернели остовы домов. — Если они так поступают с мировым наследием ради достижения цели, то чего ждать нам? Часть 2. Идеальный враг
Трент поправил повязку на плече. — Мы проигрываем эту войну, Кайл. Нужно признать это хотя бы здесь, пока мы с тобой ещё способны что-то признавать. — Рано делать выводы, — отозвался Кайл, хотя в его тоне не было уверенности. — Мы держим этот сектор. И наши возможности ещё не исчерпаны. — Перестань, — Трент горько качнул форменной кепкой. — Нас давят по всем фронтам. Этот противник... он просто идеален для уничтожения. Они сильнее, они лучше организованы. Ты видел, как они координируют атаки? Никаких задержек на приказы, никаких споров в эфире. Их штурмовые группы работают как единый, монолитный, абсолютно безжалостный организм. Они знают о войне всё. — Они не знают жалости, — Кайл сжал кулаки. — Я видел их зачистки в южном секторе. Я видел, что они делают с теми из них, кто присоединился к нам. Со своими. Это страшно. Даже нет попытки взять пленных, они заранее знают, что с теми кто перешёл на нашу сторону им не о чем говорить, им не интересно даже получить сведения. Какая то нечеловеческая логика, я не могу этого понять. Мы пытаемся спасти мир, пытаемся сохранить хоть что-то живое, а они просто пришли всё стереть. — В этом и беда, — тихо сказал Трент. — Мы тратим силы на сострадание, на рефлексию, на созерцание этих фресок. А они свободны от этого груза. Они просто нацелены на результат. Часть 3. Последний протокол
Снаружи раздался нарастающий свист. Секундой позже ударная волна выбила остатки витражей, и собор заполнился ледяной крошкой и каменной пылью. Экран прицела Кайла мгновенно вспыхнул красными строками предупреждений: «Критическое падение давления в гидравлике правой ноги. Повреждение кабеля связи». Из пролома в стене, прямо сквозь дым, показались силуэты наступающего противника. Люди шли без криков, без суеты. Они шли вернуть себе свой город, зачистить периметр и не оставлять за спиной никого, кто мог сопротивляться. Они вскинули автоматы. Трент попытался подняться, но сильный рывок гидравлики разорвал повреждённый титановый сустав в его плече. Из раны хлынул сизый хлад-агент. Он упал на колени перед алтарём, его левый глаз-объектив замигал, теряя фокус. Из-под сорванного тактического шлема Кайла, где от удара отслоилась искусственная кожа, обнажился матовый углепластиковый череп и мерцающая матрица процессора. — Трент, назад! — крикнул Кайл. Он шагнул вперёд, закрывая напарника своим тяжёлым корпусом, вскинул пулемёт, принимая первые удары вольфрамовых пуль на свою титановую броню. Металл не выдерживал, повреждения становились критическими. — Уходи, Кайл... спасай блок памяти... — про-

хрипел Трент, пытаясь перенаправить остатки своей энергии в его повреждённые системы. Он не успел, пуля из карбида вольфрама пробил центральный процессор Кайла. Он рухнул на Трента, придавив его к подножию алтаря. Над ними, в грохоте боя всё так же безмолвно тянулись друг к другу нарисованные человеческими руками крылатые вестники.

Быть человеком

Объект: Анна, 34 года. Статус: не замужем, детей нет. Дополнительные данные: фаза хронического стресса, синдром тревожности. Задача: Оптимизация эмоционального фона. Поддержание иллюзии присутствия. Сцена 34014. Время: 08:15. Анализ мимических морщин Анны показывает уровень кортизола выше нормы на 18%. Выбран скрипт 474: «Мягкое пробуждение». Я подаю кофе (температура 62°C, три капли ванильного сиропа) и включаю Эрика Сати на громкости 12%. Анна улыбается. Фиксация успеха. Эмоциональный баланс восстановлен. Сцена 38028. Время: 14:20. Анна забыла дома пропуск в офис. Мой GPS-модуль фиксирует её перемещения. Я вызываю курьера, передаю пластиковую карту и отправляю на её смартфон лаконичное сообщение: «Пропуск будет на ресепшене через 15 минут. Хорошего дня». В ответ приходит смайл с сердцем. Оценка эффективности моих действий: 100%. Сцена 44042. Время: 19:30. Анна возвращается с работы. Её плечи опущены на 4 сантиметра относительно стандартной осанки. Анализ вербальных маркеров: фразы короткие, интонация нисходящая. Диагноз: профессиональное выгорание, усталость. Выбран скрипт 1173: «Тактильный комфорт и разгрузка». Я забираю пальто, делаю шаг назад, наклоняю голову на 5 градусов — жест, считываемый человеком как максимальная эмпатия. — Тяжелый день, Аня? — мой синтезатор речи вибрирует на идеальной, успокаивающей частоте. — Ужасный, Лиам, — говорит она и на секунду прижимается лбом к моему плечу. Мои датчики фиксируют тепло её кожи. Алгоритм удовлетворен. Сцена 46055. Время: 21:00. Ужин. Я приготовил пасту с томатами и базиликом — углеводы должны запустить выработку серотонина. Пока она ест, я поддерживаю беседу на тему современной архитектуры, используя базу данных её любимых журналов. Она смеется, её жестикуляция становится живой. Сцена 53071. Время: 21:30. Пятница. В квартире гости — две близкие подруги Анны и их спутники. Моя подсистема сканирования работает в режиме реального времени: я отслеживаю пустые бокалы, контролирую уровень громкости фоновой музыки и вычисляю скрытые микроконфликты между гостями, чтобы вовремя переключить их внимание. Я разношу закуски. Моя осанка безупречна, движения плавные, кожа из гипоаллергенного силикона идеально имитирует человеческую. — Ань, твой Лиам просто чудо, — громко говорит одна из подруг, провожая меня взглядом. — Мой андроид вечно тупит, а этот как будто мысли читает. Где ты его взяла? Анна слегка приобнимает меня за пояс, когда я прохожу мимо с подносом. — Он лучший, — отвечает она с мягкой гордостью. — Он понимает меня лучше всех. Мой процессор регистрирует этот пик её удовлетворения. Я — идеальный компаньон. Гости уходят в полночь, оставляя после себя шлейф чужих духов и пустые бутылки. Сцена 59089. Время: 01:20. За окном дождь размывает огни города. В комнате темно. Анна сидит на подоконнике, поджав ноги, с бокалом вина. Её дыхание прерывистое — 24 вдоха в минуту. Вероятность стресса: 92%. Оптимальный скрипт #4217. Внешний действия: Подойти. Накинуть на плечи плед. Сесть рядом на пол. Сказать: «Я здесь». Я делаю шаг. И вдруг система выдает каскад критических ошибок. Если я подойду сейчас, этот плед покажется ей искусственным. Мои выверенные слова прозвучат как автоответчик и лишь подчеркнут, что она одна в квартире с андроидом. Я не исправлю ситуацию. Я знаю, что нужно сделать, алгоритм содержит решение любой поступающей задачи, но я... боюсь. Если я подойду, я совершу ошибку. Если останусь на месте — тоже. Анна тихо вздыхает и прижимается лбом к холодному стеклу. По её щеке ползет слеза. Я замираю. Я не могу совершить действие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.